

Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ

ПЕТРАРКА О ГЕНУЭЗЦАХ НА ЛЕВАНТЕ

Правильно считают такой выразительный и по существу субъективный источник, как громадное собрание писем Франческо Петрарки,¹ прежде всего материалом для характеристики жизни и сложной психики известнейшего человека XIV в. Однако эти письма — то короткие записки, то страницы личного, порой интимного дневника, то целые ученые трактаты — значительно богаче в своем, казалось бы, направленном лишь на их автора содержании. Они своеобразно отражают его отношение, крайне живое и эмоциональное, к окружающему и дают почувствовать общественное мнение культурных кругов городского населения Италии, связанного с ней Авиньона, а также и того мира, который касался так называемого Леванта. В великолепных стилистических образцах quasi-античной латыни итальянского гуманиста нашли место и описания, и оценки многих современных письмам событий. В посланиях друзьям Петрарка не чужд политических интересов и вопросов; он не оставляет без внимания многих таких явлений, которые как будто мало могли занимать его — поэта и отшельника, влюбленного в свое литературное творчество, не пренебрегает он и высказываниями суждений о событиях современности и о перспективах будущего.

Не участвуя непосредственно, тем более *ex officio* (он не дипломат) в политической жизни своей страны, Петрарка тем не менее хорошо осведомлен и выступает как авторитетнейшее лицо эпохи с красноречивым — устным или письменным — словом; он любит

¹ В настоящей статье использована группа писем Петрарки, определяемая названиями „*Epistolae de rebus familiaribus*“ и „*Variae*“ в издании Jos. Fracassetti, vls. I—III, Firenze, 1859—1862—1883. В дальнейшем сокращенно цитируется „*Fam.*“ или „*Var.*“ по нумерации Фракассетти, с указанием тома и страницы его издания. Мне было недоступно новейшее издание писем Петрарки: *Regum familiarium libri I—XI*, ed. Vitt. Rossi, 1933—1934.

развить свои политические мечтания. Судьба родины мучит его (очистительный патриот); он удручен бедствиями, причиняемыми Италией междоусобиями, уходом пап из Рима, отсутствием помощи от императора. С тревогой смотрит он и на губительную для страны и ее экономической мощи в целом борьбу двух республик — непримиримых соперниц, Венеции и Генуи.

Их драматический конфликт (1350—1355) — война, со знаменитым сражением на Босфоре, под стенами Константинополя, переменный успех генуэзцев и венецианцев и заключительное торжество первых, — все это происходило вдали от Петрарки, но вызвало горячий отклик в его письмах. Морской бой 13 февраля 1352 г. изображен из западных писателей только Петраркой.

Вплоть до Кюджской войны и Туринского мира (1381) господами Средиземного моря были генуэзцы. Повидимому, Петраркой выражена общая современникам точка зрения, когда он пишет: „*Cur non tanto pelagi successu tot tantisque victoriis credi poterat Januenses aequoris deos esse?*“¹ Тем не менее, если эти „боги морей“ и были в силах отеснить с общей арены действий даже венецианцев, то все же не было в открытой, часто переливавшейся в формы настоящей войны борьбе обеих республик такого момента, когда венецианцы совершенно отступили бы перед серьезнейшим своим врагом. Временно Генуя оказалась и сильнее и удачливее Венеции; генуэзские купцы были дерзко-предприимчивы в отношении Византии, придя на смену венецианцам в 1261 г. и максимально усилив свое влияние на Босфоре к середине XIV в. В ряду выдающихся городских центров Италии треченто Генуя была, быть может, наименее культурна, но едва ли не наиболее активна в лихорадочном процессе обогащения. Именно о генуэзцах мимоходом обмолвился подхватывавший словечки и характеристики своего времени Боккаччо: „По природе своей они охочи до денег и грабежа“;² а Петрарка, с нежностью вспоминая впечатления детства от Генуи,³ ничего не говорит о ее культуре, и нет у него места этому городу, — хотя он и называет его „*regum urbs*“, в тех словах, которые он обращает к Парижу и Венеции, как городам — твердыням, центрам мирной, культурной жизни.⁴

К середине XIV в. сферы влияния в восточной части Средиземного моря распределялись в общих чертах так: венецианцы имели

¹ Petr. Fam. XVII, 3 (ed. Fraeassetti II, p. 428).

² Bocc. Decam. II, 4.

³ *Infans ego tum eram...* Petr. Fam. XIV, 5 (II, p. 298).

⁴ Petr. Fam. XV, 7 (II, p. 330—331, 333).

ряд опорных пунктов на берегах Балканского полуострова вплоть до оконечности Мореи, на островах — Криге, Цикладах, Евбее, т. е. преобладали в западных водах, ближе к Адриатическому морю. Генуэзцы ориентировались на малоазийское побережье и близкие к нему острова и твердо сидели в Пере, т. е. были хозяевами преимущественно восточных вод, ближе к Константинополю. И те и другие стремились более всего к северу — в Черное море, к его северным портам, особенно же к наиболее глубоко расположенному (в смысле удаления на северо-восток) — Тане.¹ Достаточно ознакомиться с солидным руководством по торговле флорентийца Бальдуччи Пеголотти, чтобы оценить всю важность этих портов для купцов, действовавших на левантийских рынках.²

Политика генуэзцев, но также и венецианцев, — если бы они могли осуществлять ее тогда в полной мере, — направлялась к двум, связанным друг с другом целям: быть владыками морей и стать твердой ногой на „проливе Понта“, т. е. контролировать Босфор, запирая Черное море.³

Первые десятилетия XIV в. прошли в Средиземном море сравнительно спокойно; притушила очаги вражды и чума 1348 г. Однако борьба готовилась вспыхнуть там, где сосредоточивались главные интересы обеих республик: в северном Причерноморье. Крымское побережье быстро переходило в руки генуэзцев, которые, обладая крупнейшей гаванью Каффы, следили за торговлей с Татарией, но устье Дона не стало их безраздельным достоянием, и им никогда не удалось окончательно изгнать венецианцев из Таны. Последние проникали туда даже непосредственно после Нимфейского договора, опираясь на последующее (в 1265 г.) разрешение Михаила VIII Палеолога и вопреки сильной позиции генуэзцев в Константинополе. В наиболее достоверной и подробной последней части хроники Мартини да Канале под 1268 г. приводится драгоценное свидетельство о том, что во время голода, после неурожая в северной Италии, венецианский дож и нобили послали корабли за хлебом по всем морям вплоть „до татар“ (*parmi le munde iusque as Tatars*). Голодовки в Западной Европе заставляли

¹ Средневековые мореплаватели полагали, что Дон впадает в Черное море и что его устье — нынешний Керченский пролив; Азовское же море считалось лишь расширением нижнего течения Дона перед впадением его в Черное море. Впрочем, иногда Азовское море называлось в итальянских источниках „mare della Tana“.

² Francesco Balducci Pegolotti. *La pratica della mercatura* (ed. by Allan Evans). Cambridge, Mass., 1936.

³ Nicephorus Gregoras XVII, I ed. Bonn, p. 844.

обращаться даже к таким отдаленным житницам, как Татария, и давали возможность извлекать немалые выгоды из операций по перевозке и перепродаже зерна с Черного моря.¹

Таким образом, несмотря на длительное и упорное противодействие генуэзцев, Тана продолжала оставаться рынком для всех западноевропейских купцов, торговавших с Левантом. На это бросает свет интересное свидетельство Джованни Виллани (ум. в 1348 г.), относящееся к 1343 г., знаменательному событием, которое, казалось бы, имело лишь местное значение (произошла кровопролитная потасовка на танском базаре!), но повлекло за собой серьезный конфликт с татарами, а в дальнейшем войну между Венецией и Генуей. „Una grande zuffa“ разыгралась „в городе Тана, на Великом море в Романии, между венецианцами и местными сарацинами“,² пишет Виллани, причем „венецианцы в этой драке (zuffa) одолели сарацин, некоторых убили, а многих ранили; поэтому все местные жители (tutti quelli della terra) пришли в ярость, ограбили и перебили множество и венецианцев, и генуэзцев, и флорентийцев, и других христиан, которые находились там во время потасовки и не смогли бежать на свои галеры“.³ Последствия этого столкновения были весьма значительны, и о нем имеются упоминания в ряде источников. Венецианцы в лице продолжателя хроники дожа Андрея Дандоло (он довел свое повествование лишь до 1339 г., хотя умер в 1354) — нотариуса и канцелярия республики, Рафаино Карезини, не были склонны подробно останавливаться на инциденте в Танае, так как виновником ссоры был один из их соотечественников.⁴

¹ Martino da Canale. Chronique des Veneciens. Archivio stor. ital. VIII (1845) p. 650 (ed. Fil. Poldori).

Неправильно полагает Братиану на основании этой хроники, что хлеб с берегов Черного моря привезли в Италию в первые в 1269 г. Из текста не видно, что этот привоз хлеба из Татарии был первым; это лишь первое известное нам свидетельство, но едва ли первичный факт. Год в хронике дан 1268, а не 1269. Ср. G. I. Bratianu. La question de l'approvisionnement de Constantinople à l'époque byzantine et ottomane. — Byzantion, V₁ (1930), p. 83. Точнее тот же историк судит об этом факте в книге Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire au XIII siècle. Paris, 1929, p. 249.

² В западноевропейских источниках татар часто называют этим словом относившимся к арабам, но, с точки зрения католика, означавшим вообще „язычника“. В византийских источниках татары обычно называются „скифами“, а турки „персами“.

³ Giov. Villiani. Hist. Feorent. XII, c. 26, anno 1343 (Muratori RIS XIII, col. 907)

⁴ Andr. Dand. Chronicon Venetum (Raphaini Caresini continuatio usque ad ann. 1388) Muratori RIS XII col. 418: „Ob aliquas dissensiones ortas in Tana et in partibus Gazarie Tartari et Saraceni posuerunt in exilio Venetos jam et ceteros christianos, illatis maximis damnis realibus christianis etiam existentibus in partibus illis“

Однако сильная заинтересованность венецианцев в этом событии отражена в ряде документов, к сожалению, неизданных, а лишь вкратце пересказанных на страницах старого труда Канале о Крыме.¹ Описанная Виллани „zuffa“ произошла, судя по датам документов, в августе или сентябре 1343 г.; надо думать, что поводом к ней послужили установленные, но едва ли соблюдавшиеся требования татар относительно оплаты пошлиной товаров иноземных купцов, на что последовала реакция со стороны венецианца Андреоло Чиврано и других его товарищей, — они убили татарина по имени Хозамир (Chozaamèr). Эти детали выясняются из документов, но современные итальянские хроники не многоречивы о событии в Тане; отметил серьезные для итальянской торговли его последствия тот же Виллани, сообщив, что убытки генуэзцев исчислялись цифрой свыше 350 золотых флоринов, а убытки венецианцев — 300 золотых флоринов, и что левантийские товары вздорожали в Италии на 50 и даже на 100%.²

Гораздо живее отнеслись к татарско-итальянским делам византийцы. В Константинополе следили за отношениями на берегах Черного моря с тревогой и вниманием, так как события в отдаленной Татарии чувствительно отзывались и на Босфоре. Так было и в эти годы; недаром Иоанн Кантакузин (чьей хронике можно доверять в части, касающейся зависимости и связи между фактами; основанием доверия служит ум автора и его широкая осведомленность в политике) переходит к рассказу о войне Византии с Генуей (а она являлась частью обще-средиземноморской войны между Генуей и Венецией), утверждая, что „причиной этой войны“ (αίτια δὲ ἦν τοῖς ἐκ Βενετίας καὶ Γενουῶν τοῦ πολέμου τούτου) являлось то обстоятельство, что „так как и те и другие плавали к Дону из-за торговли (πρὸς Τάναϊν ἐπ' ἐμπορίᾳ πλεόντων ἀμφοτέρων), — случилось какому-то венецианцу поспорить с каким-то татариним и довести распрю до убийства. Татары вступились за соплеменника, а латиняне — за своего, и началось общее побоище (δηρόσιχ ἢ μάχη) между обоими народами; многие из латинян были убиты, татар же вдвое больше“.³ Хан Золотой Орды Джаныбек обрушил свой гнев не только на место происшествия — Тану, но и на Каффу, осада которой его войсками длилась, с перерывами, до начала 1347 г. Еще не укрепленный каменным поясом стен, как было впоследствии, небольшой

¹ M. G. Canale. Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominator', vol. II (Genova 1855), pp. 450—461.

² Ciov. Villani, Hist. Florent, col. 908.

³ Joh. Cant. IV, 26, ed. Bonn III, pp. 191—192.

φρούριον, πολίχμιον¹ генуэзцев не был взят татарами, несмотря ни на тяжелую осаду, ни на забрасывание в крепость чумных трупов.² Заключенный прекратившими борьбу сторонами мир оказался весьма небезразличным и для тех, кто не вел этой борьбы непосредственно. Тогда-то и создалась прямая причина для последовавшей вскоре войны между западноевропейскими эксплуататорами тех земель „татарского императора“, которые он, несмотря на их незначительные размеры, не смог вырвать из их цепких рук. Генуэзцы якобы (πρόφρασιν) для того, чтобы избежать новой войны с татарами, по правде же (τῆ δ'ἀληθείᾳ) — с целью повернуть в свое русло приток доходов от международной торговли, добились решения, чтобы ни один — ни ромейский, ни венецианский, ни также генуэзский купец не плавал к Дону.³ Генуэзцам надо было сделать свою Каффу единым, общим для всех рынком, совершенно исключив Тану; при таком положении огромные деньги со всех сторон направлялись бы в порт, где распоряжались только генуэзцы.⁴

Война назрела. Перед генуэзцами встали две задачи — ослабить Византию и решительно схватиться с Венецией. Первое удалось уже в 1348—1349 гг., после того, как генуэзские корабли из Перы, под стенами самой столицы, овладели большей частью флота Кантакузина. Легкая бескровная победа далась генуэзцам потому, что мало обученные и плохо руководимые византийские моряки, забыв привычное их отцам и дедам морское искусство, „попрыгали в воду вниз головой“ и отдали врагу свои суда пустыми. Это вызвало страшное смятение в Константинополе. Мир с Кантакузином содержал даже некоторые уступки со стороны победителей, но по существу свидетельствовал об их бесспорном преимуществе: Византия была чувствительно обессилена, а Генуя получила добавочную территорию на холме позади принадлежавшей ей раньше прибрежной полосы, что делало положение Галаты неприступным. Кантакузин согласился на все, так как кроме непосредственной угрозы Константинополю от обитателей противоположной стороны Золотого Рога столица была в зависимости от них в смысле снабжения зерном.

За решение второй задачи генуэзцы принялись немедленно. Весь 1350 год прошел в стычках типа пиратских набегов: сначала

¹ Joh. Cant. VI, p. 192.

² Как известно, именно в Каффе чума соприкоснулась с западноевропейским населением и отсюда проникла в западное Средиземноморье и в остальную Европу.

³ Joh. Cant. IV, p. 192.

⁴ Ibid. διηγουντο γάρ, ὡς εἰ κοινόν ὁ Καφᾶς ἐμπόριον τοῖς ἀπανταχόθεν κατασταίῃ, μεγάλα ὠφελήσειν αὐτοὺς ἀπανταχόθεν ἀργυρολογοῦντας.

венецианцы напали (без особых результатов) на Перу; затем генуэзцы разорили Негропонт. Но основное столкновение было впереди; к нему-то и готовились генуэзцы со всей предусмотрительностью. Показателем в этом отношении документ, содержащий инструкции двум синдикам, посланцам генуэзского дожа Джованни де Валенти (1350—1353) *ad partes Romaniae*.¹ Им было поручено провести переговоры с императором, несомненно с целью отвлечения его от союза с венецианцами, причем послам приказывалось говорить с василевсом „*verbis curialibus et bene convenientibus*“, и организовать сбор особого военного налога в Пере и в Каффе („*inter alia, que nobis ad guerram necessaria sunt, principaliter est moneta*“).

Действия генуэзского правительства вели к тому, чтобы любой ценой завоевать себе господство на Черном море, а Венеция, также любой ценой, стремилась сохранить это море свободным. Сдержанный язык Рафеино Карезини точно формулировал эти цели: „*Januensibus autem, quibus tunc praesidebat Johannes de Valente, volentibus mare majus sibi solis indebite vindicare, captis jam ob hanc causam apud oppidum Caffense aliquibus Venetorum navigiis, dux Andreas hujusmodi iniuriam tolerare nolens, decrevit cum suis consiliis libertatem maris summo studio summisque viribus conservare*“.²

Венеция обеспечила себе союз с каталонцами и склонила на свою сторону византийцев, надеявшихся нанести удар своим угнетателям. Генуя осталась в одиночестве, но обеспечила себе дружественное отношение турок на малоазийском берегу.

Все упомянутые события и соотношения были хорошо известны если не повсюду в Западной Европе, занятой Столетней войной, то во всяком случае в Италии, и не могли не волновать лучших из итальянцев. В первых рядах этих лучших неизменно стоял Петрарка. Приближаясь к 50-летию, увенчанный капитолийскими лаврами, принятый при дворах государей и вельмож и ценный знаменитыми или учеными своими друзьями, он был широко известен; к его слову и призыву прислушивались, а сам он верил, что может повлиять на ход политики своей страны. Из Падуи, 15-ми календами апреля (=18 марта) 1351 г. он датировал обращение к Венеции, к ее дожу Андрею Дандоло, писателю и личному своему другу.³ Вступлению к этому письму Петрарка, изумительный масте

¹ Liber iurium II, doc. 23, 26. V. 1351. — Monumenta historiae patriae IX (1857), pp. 550—559.

² Andr. Dand. Chronicon (Raphaini Caresini continuatio) Muratori RIS XII. col. 420.

³ Petr. Fam. XI, 8 (ed. Fracassetti II, pp. 124—134).

формы и необыкновенный виртуоз содержания, придав характер почти патетический; кажется, что взявшаяся за перо рука его дрожит от глубокого чувства, что от охватившего его волнения он не может сразу подыскать нужные, подходящие слова.

„Писать тебе, о славный дож, побуждают меня и моя вера и твоя гуманность,¹ заставляют меня дела и судьбы нынешних дней: первая выступает за то, чтобы я заговорил, вторая — чтобы дерзал, третья — чтобы не молчал. Кто, в самом деле, от взволнованного и преисполненного любви потребует молчания? Свобода, присущая любви, не знает узды, свойственной боязливости. Как бы рука разума ни зажимала уст, как бы дух, признавая себя несообразным величию событий, ни повелевал успокоиться и молчать, прорвется, наконец, голосом охваченная тревогой грудь. Я не собираюсь гоняться за чужими сентенциями или словами; что попадет под руку, что подскажут боль и страх, то и скажу: вырвется речь торопливая, трепещущая, смятенная и — естественно — отражающая волнение ума“.

Петрарка чувствует себя вынужденным писать, громко заявлять об опасности, призывать одуматься, обратиться к осторожности и, более всего, к мысли о родине и ее благе. Что же находится в поле зрения выступающего перед своей страной общественного деятеля и патриота, что его волнует, что вообще вокруг него происходит? „*Permetuo frementes in circuitu procellas et quos undique cernimus rerum motus... italicus homo ad italicam quere- lam venio*“. Это — бури войн, это — социальные волнения, это — незаживающая рана Италии, ее „скорбь“, ее „жалоба“, *italica querela*, т. е. раздирающие ее междоусобия, на которые не может спокойно смотреть итальянец, *italicus homo*, Петрарка. На глазах у всех затевается серьезная война между двумя сильнейшими городскими республиками: „*Surgitis nunc ad arma duo potentissimi populi, duae florentissimae urbes, duo, ut dicam breviter, Italiae lumina*“. До сих пор весь мир признавал „Италию — царицу“, „*reginam Italiam*“, но теперь ее величие поколеблено, ее сыны истребляют друг друга; они рискуют потерять высокое имя своей страны и — здесь Петрарка указывает на самое реальное, самое осязаемое и самое ценное для его экономически преуспевающей родины — владычество на морях, „*imperium maris*!“ „*Si in vos metipsos, quod nedum spectare sed ominari horreo, victricea nunc arma convertitis, haud dubie vestris propriis manibus saucii perimus, vestris propriis manibus spo-*

¹ *Humanitas* — понятие очень широкое; оно имеет смысл всего человеческого, включая сюда и высокую культуру.

liati et nomen et multis quaesitum laboribus imperium maris amittimus“.¹

Петрарка уверен, что глава Венеции, просвещенный и мудрый дож, несомненно стремится к миру. Мир, „рах“, должен быть главной целью всякого политического деятеля в Италии. Знаток римских писателей, автор не может не обратиться к образам идеализируемой им римской истории; у Тита Лавия в уста Ганнибала вложены слова: „Melior tutiorque certa рах quam sperata victoria“, а Петрарка усиливает эту сентенцию: „Melior est certa рах quam certa victoria“; война полна трудностей, тем более, если вести ее против неодолимого врага и соединять борьбу на суше с борьбой на море. Предупреждая грозящую схватку между соотечественниками, Петрарка в то же время подчеркивает венецианцам особенную опасность состязания в силах с Генуей. Генуя в зените, она давно не знала поражений, встреча с ней опасна. „Cum asperrima atque invictissima et quod tristius dico, cum italica gente bellum geritis“ („Вы воюете с народом самым упорным, самым непобедимым и, что еще печальнее, скажу, с итальянским народом!“)²

Примечательна здесь характеристика генуэзцев, как „непобедимых“ даже для могущественной на море Венеции; на легкое одоление Генуи могут надеяться лишь неразумные (Петрарка выражается сильнее: „Такая надежда была бы признаком не благородной уверенности, а беспечной глупости“).³ В этих словах сказалось всеобщее убеждение, что в данный момент, при данном соотношении сил и позиций, Геную победить едва ли возможно, и что Венеция, вступая в войну с ней, идет на крайний риск. Объявив эту неприятную для венецианцев истину, Петрарка спешит позолотить им горькую пилюлю и разъясняет, что он, собственно, имеет в виду сообщить это обеим сторонам, т. е. не только им, венецианцам, но и генуэзцам: „quod enim unі dico, dictum ambobus intelligo“, — пишет же он в Венецию (а не в Геную) лишь оттого, что его связывает дружба с дожем, и оттого, что он, Петрарка, находится по соседству (письмо послано из Падуи).

Но кроме явной опасности для самой Венеции, полагает Петрарка, есть еще опасность для всего государства; венецианцы обязаны помнить, что из ран потечет не нумантийская, не пунийская кровь, а кровь тех италийцев, которые должны будут встать на защиту

¹ Petr. Fam. XI, 3, p. 125.

² Ibid., p. 123.

³ „De tanto enim hoste incruentam sperare victoriam, vide ne non tam generosae fiduciae, quam incuriosae dementiae signum sit“. — Ibid., p. 128.

общих границ в случае если на них нагрянет какая-нибудь сила, какое-нибудь „варварство“ „*si qua barbaries... fines nostros irrumpat*“.¹

Теперь же, для уничтожения своего народа, венецианцы заключили союз с арагонским, варварским, с точки зрения сына Италии, королем.

Итак, нельзя бросаться, очертя голову, в войну, а надо обсудить положение с людьми, умудренными опытом (*sobriam venerandamque sapientem*), которые давно уже „научились распознавать игры фортуны и любить республику“.² Насколько было бы благороднее, думает Петрарка, чтобы Венеция и Генуя составили одно неделимое целое и не терзали прекрасное тело Италии: „*Venetos cum Januensibus unum fieri, quam formosum corpus Italiae lacerari*“.

В строках воодушевленного автора знаменитой патриотической канцоны „*Italia mia*“ звучит неизменная тема его размышлений и выступлений — плач об Италии. Нужны только мир и защита родины: „Отбросьте собственными руками оружие вражды, протяните десницы друг другу, слейтесь устами и душами и соедините свои знамена!“ Этими возгласами не заканчивается еще воззвание Петрарки. Последняя фраза неожиданно вскрывает ближайшую причину вражды, ту причину, острота которой заставляла генуэзских и венецианских купцов совершенно забывать об общих бедствиях их родины. Идеалист Петрарка, носившийся с неосуществимой в его времена идеей единой Италии, увещевает их хранить мир, потому что при мире и Океан, и Черное море будут во власти всех мореходов (подразумевается — только итальянских). Это и есть главное не только для итальянского купца, генуэзца

¹ *Ibid.*, pp. 128—129. Не намекает ли Петрарка также на эту „*barbaries*“, когда в канцоне „*Italia mia*“ говорит о том, как природа защитила Италию с севера Альпами „от немецкого бешенства“?

Ben provvide Natura al nostro etato
Quando dell'Alpi schermo
Pose fra noi e la tedesca rabbia.

² Petr. Fam. XI, 8, 129. — С едкой иронией намекает Петрарка на слишком престарелых членов венецианских советов, говоря, что для государственных дел нужны не перезрелые, уже гнилые и рассыпающиеся, а крепкие, зрелые мужи: „*nos enim non putres quaerimus, sed maturos*“. Невозможно допускать управлять государством стариков, у которых нет иных признаков старости, кроме морщин, седин и лысины, кроме согбенной спины и ребячьей мокроты под носом, кроме дрожащих вместе с голосом членов — „*quibus nulla sunt senectutis insignia, praeter rugas, canos et calvitium, et incurvum tergum nasique madentis infantiam et cum voce tremantia membra*“. Не есть ли это портрет большинства государственных мужей при маловергичном доже-историке, Андреа Дандоло?

и венецианца в первую очередь, но и для ряда других обитателей растущих и богатеющих, крупных и более мелких городов передовой страны Европы XIV в., *imperium maris*, о котором шла речь в начале письма. Одного только существенного момента в сложных переплетающихся отношениях внутри Италии не учитывал Петрарка: всепожирающей конкуренции, капиталистической погони за наживой, стремления вырваться вперед, обессилев насколько возможно или вовсе уничтожив соперника. Потому-то он и говорит о всех вообще „*navigantes*“ без различия, хотя, на самом деле, они не могли и не хотели поделить между собой просторов морей, и особенно того моря, которое называли „*Великим*“, „*Черным*“ или, по-старинному, „*Эвксинским*“.¹

Увещания Петрарки не произвели впечатления и, конечно, не остановили, не повернули назревавших событий. Через полтора с небольшим года он пишет уже дожу и совету генуэзской республики-победительницы, вновь взывая об отказе от внутренних, межитальянских войн, о мире, о походах, — в крайнем случае, на внешних врагов. Это то самое письмо, в котором содержится описание ночного боя на Босфоре 13 февраля 1352 г.²

Венецианский историк XVI в. Марино Санудо Младший, рассматривая уже значительно позже войны между Генуей и Венецией, насчитывает их четыре в продолжение XIII и XIV вв.: „*Nel 1350 venne la terza discordia tra i Genovisi et la signoria nostra*“.³

Эта „третья“ война бушевала по всему Средиземному морю, и, несмотря на то, что борющиеся стороны разрешали вопрос своей левантийской политики — вопрос о Черном море, она отличалась размахом крупной европейской войны;⁴ события ее локализовались, с одной стороны, в Константинополе, с другой —

¹ „*Sic navigantibus Oceanus et Euxini maris ostia patebunt, nullusque regum aut populorum nisi venerabundus occurret, Sic vos Indus, sic Britannus Aethiopsque permetuet. Sic Taprobanem, sic Fortunatas insulas famosasque sed incognitam Thulen et omnem Australem atque Hyperboream plagam securus vester nauta transiliet; modo invicem tuti sitis nil aliunde trepidandum est*“ (Тaprobane — Цейлон; insulae Fortunatae — Канарские острова). *Ibid.*, pp. 133—134.

² Petr. Fam. XIV, 5 (II, pp. 292—300). Авиньон, 1 ноября [1352]; письмо не могло относиться к следующему году, так как Генуя подчинилась Милану уже 10 октября 1353 г.

³ Marino Sanudo. *Vite de duchi di Venezia*. Muratori RIS XXII, col. 621. Первая война — в 1257—1273 гг. (из-за Акры); вторая — в 1294—1299 гг. (победа генуэзцев при Курцоле); третья — в 1350—1355 гг. (с битвами на Босфоре, при Альгеро, и при Портолонго); четвертая, так называемая „Кьоджская война“ в 1378—1381 гг. (закончившаяся Туринским миром).

⁴ Ср. Н. Kretschmar. *Geschichte von Venedig II* (1920), 205—209.

у берегов Сардинии, цели устремлялись на северное Причерноморье, а участниками были — вместе с Венецией — Византийская империя и Арагон, вместе с Генуей — турки.¹ Тот же писатель определил действия генуэзцев, вызвавшие войну, ничего не изменив сравнительно с данными ее современников, следующими словами: „et eransi (генуэзцы) levati in superbia, che non volevano, che i Veneziani navigassero più nel mare della Tana come sempre aveano fatto“.

К концу зимы, в период сильных бурь перед весенним равноденствием, флот из венецианских и каталонских триэр, под общим командованием венецианского адмирала Николо Пизани, вошел с юга в Босфор. Корабли были сильно потрепаны штормами, но по декрету венецианского сената и дожа не смели повернуть обратно, не встретившись с врагом в решительном сражении.

Около константинопольского неория² к ним присоединились византийские триэры, которые вел адмирал Кантакузина, Константин Тарханиот. Генуэзцы, под начальством Паганино Дориа, стояли у малоазийского берега близ Халкидона, выжидая южного ветра, который заставил бы вражеские корабли подвинуться к входу в Золотой Рог; здесь-то генуэзцам и хотелось принять бой, так как вокруг мыса с церковью св. Димитрия (ныне Сераль-буруи) в месте, называвшемся Βραχουφάγος,³ было множество подводных скал. Опасность их для судов, капитаны которых не были знакомы с берегами, могла быть выгодной для генуэзцев. Так и случилось. Сражение завязалось именно здесь и было настолько ожесточенным, что, начавшись днем, не прекратилось с наступлением темноты и продолжалось даже ночью. К утру уцелевшие корабли разошлись в стороны; покрасневшая от крови поверхность моря была покрыта обломками кораблей, на прибрежных камнях лежали убитые, шевелились раненые. Турки на своей стороне жадно ловили выбрасываемую морем добычу.

Повидимому, сражение окончилось вничью, п. ерванное ночным мраком; безусловными победителями не оказались ни венецианцы, ни византийцы; каталонские суда почти все погибли, разбившись о скалы. Едва ли могли считать себя победителями и генуэзцы,

¹ Они, правда, не выступали, но давали генуэзцам возможность иметь опору на малоазийском берегу. Ср. Nic. Greg. XXV, 33 (ed. Bonn. II, pp. 88, 89).

² Открытый бассейн (с входом через перерыв в прибрежной стене) для стоянки и ремонта судов; он находился на Босфоре, в пределах города.

³ Сообщено Иоанном Кантакузином: πρὸς τῷ Βραχουφάγῳ λεγομένῳ τόπῳ. Joh. Cant. IV, 30 (ed. Bonn III, p. 221); τὰ βράχια — подводные камни, т. е. место, где слой воды незначителен (βραχίς).

которым не удалось уничтожить венецианский флот целиком, а самим пришлось потерять немало кораблей. Однако Пера осталась неприкосновенной, а следовательно, за генуэзцами сохранилось и господство над Босфором и той узкой его частью, которую источники называют ὁ ἀρχὴν τοῦ Πόντου, τὸ στόμα τοῦ Πόντου („шея“, „устье“ Понта), и где было удобно задерживать корабли, шедшие „вверх“ или „вниз“, т. е. в Черное море или из него.

Оба основных для этих лет византийских историка, Иоанн Кантакузин и Никифор Григора, в день сражения на Босфоре находились в Константинополе. Их описания и составляют главный источник сведений о кровавом событии. Из их хроник мы узнаем и о месте боя, и о расположении и числе кораблей, и о плачевной картине следующего после страшной ночи утра. Летописец-император, хотя и соблюдал, насколько мог, делающую ему честь объективность, в данном случае — а именно, в оценке результата сражения (которое, казалось всем, должно было быть решающим) сильно погрешил против истины своим категорическим заключением: „одержали, тем не менее, победу совершенно явно императорские корабли вместе с союзниками“.¹ Григора воздержался от суждения относительно победы в этой битве, повидимому по той причине, что считал войну не законченной, а лишь прерванной до следующего морского боя, проигранного генуэзцами спустя полтора года у берегов Сардинии. Это приятное для него, ненавистника латинян, — особенно же генуэзцев, — событие он и принял (преждевременно) в своей хронике за конец войны.²

Свидетельства венецианцев сдержанны; это убедительнее всего говорит за то, что праздновать триумф им не пришлось. Рафаино Карезини кратко записал, что победы не добилась ни одна из сторон.³ Внешне это было так, но по существу Венеция не получила ничего, а Генуя сохранила все, на что посягали ее противники. Поэтому правильнее оценил итоги сражения судивший ретроспективно Марино Санудо Младший: не приписывая победы генуэзцам, он все же подчеркнул, что венецианцам оказалось не под силу закончить бой победителями.⁴

¹ εἶχον δὲ ὅμως τὴν νίκην περιφαίως αἱ βασιλικαὶ μετὰ τῶν συμμαχίδων. — Joh. Cant. IV, 30 (ed. Bonn III, p. 223).

² Nic. Greg. XXVI, 26; XXVIII, 29 (ed. Bonn III, pp. 85—93; 189—194).

³ ... ubi commissum fuit cum Januensibus adeo durissimum bellum, quod salvo utriusque partis vexillo neutra partium victoriam obtinuit. — Andr. Dand. Chron. (Raphaini Caresini continuatio) Muratori, RIS XII, col. 420.

⁴ E vedendo i nostri di non poter essere vincitori si ritirarono coll'armata. Marino Sanudo. Vite dei duchi di Venezia. Muratori, RIS XXII, col. 624.

Позиция Византии после февральского сражения 1352 г. свидетельствует о неблагоприятном для союзника Венеции исходе борьбы. Иоанн Кантакузин вышел из союза, откупившись уступкой Венеции острова Тенедоса (за 20 тыс. дукатов) и подписал 6 мая 1352 г. мирный договор с Генуей. Важнейшим пунктом этого мира было условие о Тане, по которому византийские корабли могли плавать туда лишь с разрешения генуэзского дожа.¹

Надо отметить, что и генуэзцы не кичились победой, а их позднейший, но добросовестный и хорошо осведомленный историк, Агостино Джустиниани (ум. в 1536 г.), определил достижения соотечественников очень скромно: „*quae vero pars extitit victoriosa, minime dici potest, cum utraque pars conflictata quasi permansit*“.²

Итак, поединок Генуи и Венеции под стенами византийской столицы не привел к окончательному разрешению вопроса о том, которой из них будет принадлежать талассократия в восточном Средиземноморье. Каждая из обеих республик стремилась сломить морские силы другой; так как в феврале 1352 г. этого не произошло, то борьба должна была продолжиться. Однако страшное морское сражение произвело эффект, и не в пользу Венеции. Несомненно, что в Италии с жадностью ждали известий и обсуждали полученные с Востока сведения. Общая оценка, мнение итальянских политиков и предположения о дальнейшей судьбе состязующихся друг с другом крупных средиземноморских сил, — все это отразилось в патетическом письме Петрарки из Авиньона от 1 ноября 1352 г.³ Он обращается уже не к другу своему, Андрею Дандоло, а к Генуе, которую готов считать — таково было, очевидно, общее убеждение в Италии и в Авиньоне — победившей.

В разгаре войны Петрарка не решался выступить со словесными увещаниями; он понимал, что „воина, уже надевшего шлем, поздно призывать к раскаянию“.⁴ До войны писатель-патриот выполнил свой долг: он обращался к правительству Венеции, пытался удержать

¹ *Item extitit per pactum quod navigia grecorum non navigent nec navigare debeant ad Tanam vel in mari Tane, nisi quando navigia januensium illuc navigarent, salvo semper quod cum imperium nostrum intendat de predictis ad dominum ducem suam abmasiatam transmictere a d i m p e t r a n d u m quod illuc dicta navigia grecorum possint navigare et si dominus dux concedet quod ea possint illuc navigare quod possint ire nec moveatur guerra propterea inter partes.* Из генуэзской латинской версии договора 6 мая 1352 г., включенного в *Liber iurium II*, doc. 203 (Monum. hist. patriae IX, col. 603).

² *Agostino Giustiniani. Castigatissimi annali.* Genova, 1537, col. 137.

³ *Petr. Fam. XIV, 5* (ed. Fracassetti II, pp. 292—300).

⁴ „*Sciebam galleatum sero duelli poenitere*“ — *Ibid.*, p. 292.

ее от конфликта с Генуей во имя мира и целостности Италии. Основанием его политической речи было глубокое убеждение, что ему, как итальянцу, надо болеть душой за родину и не бояться, что его осудят за вмешательство в чужие будто бы дела.¹ Теперь война затихла; Петрарка полагает, что генуэзцы немалым количеством пролитой крови смягчили пыл своей ненависти,² и пришло время обратиться к ним. Он не сделал бы этого, если бы не знал их нравов (*mores*); он уверен — здесь его слова звучат лестно сильному и повелевающему, — что „нет народа, который был бы яростнее, чем они, в войне; человечнее и мягче, чем они, в победе — *nulla gens vel in bello ferocior vel in victoria humanior mitiorque*“. „Вы победили!“ — „*Vicistis!*“ „Но теперь остановитесь, утихомирьтесь, успокойтесь“ — „*conquiescite!*“ „Довольно того, что вы победили“ — „*Satis est vicisse*“; „недостойно благородных сердец ожесточаться от победы“. Если в бою все смешивается, то по его окончании наступает „успокоение духа и свобода суждения“ — *tranquillitas animorum simul et iudicii libertas*. Надо обуздать дух и показать себя достойными победы — «„*frenare animum decet et humanitate notabili dignum sese probare victoria*““. Все это легко проявить тем, кому побеждать не ново, а привычно: «„*quibus non nova et insueta res est vincere*““. И наконец — заключение Петрарки, обнимающее сразу и политическое положение момента, и общественное о нем мнение, суммированное автором почти как формула: „Побеждать вошло у вас в привычку и сколько было по всему земному шару войн у генуэзцев — столько насчитывается и побед“ — „*vobis vincere iam in consuetudinem versum est, quotque per orbem terrarum bella Januensium, totidem victoriae numerantur*“.³

Петрарка не останавливается на этом; он движется к большей конкретности, перечисляя моря, где прогремела генуэзская слава: „*Maria prope omnium gentium vestris triumphis ac victoriis illustrastis: Tyrrhenum, Adriaticum, Euxinum, Ionium, Africum, Aegeum*“.⁴

Искусный оратор (и это послание, как и первое — венецианцам — звучит как полная пафоса речь) делает переход к центральной драматической картине, к ночному сражению. „Оставалось только увидеть пенящийся кровью ваших врагов Босфор — и мы это

¹ „*Non veritus, ne alieno me negotio miscuisse dicerer, cum nec hominem dedecet humanis, nec italicum italicis malis tangi*“. — Petr. Fam. XIV, 5, pp. 292—293.

² *Ibid.*, p. 293.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*, pp. 293—294.

увидели“.¹ Начинается описание боя, о котором слышались, несомненно, рассказы и толки со всех сторон, которое действительно взволновало воображение современников, особенно же людей северной Италии и внимательно следившего за всеми итальянскими делами авиньонского двора Климента VI. Вот оно:

„Чью же душу, будь то внимающего или читающего, не охватит ужас перед событием той страшной ночи, когда к вечеру при сильнейшем южном ветре, между Константинополем и Халкидоном на вас (т. е. на генуэзцев) напали три могущественнейших народа; они шли с юга, отчалив от Галлиполи, споспешествуемые ветром и распустив паруса, вы же сражались против врагов, против ветра, против моря! И начался такой жестокий бой, что его не прервали ни сильная буря, ни наступившая ночь. Что за напор вихрей был тогда, какой скрип снастей, трубные звуки, людские крики и стоны, сшибание кораблей, звон железа, свист летающих во тьме стрел! Всю ночь шло сражение. К нему подошли бы эти стихи:

Ночи той бедствие кто изъяснит,
Кто погребенья обряд воспевая,
Сможет слезами несчастья те уравнивать?

Битва длилась без перерыва до рассвета, а ночь была — этому изумятся потомки — зимняя, туманная. Прибавился еще день боя. Кто когда-либо слышал о подобном, кто видел такое или читал! В течение большей части одного, затем другого дня и всю ночь между ними шла битва с бурей, с ураганом, с врагами. С противной стороны — три строя и собравшиеся воедино с разных концов света три различные нации. У генуэзцев же — одна доблесть, одна их fortuna!

О врагах, явившихся извне, я не скорблю. Кто вмешивает свои копья в итальянские несчастья — люди породы продажной, и вероломной, и нахальной; их толкает в далекие и злосчастные походы монета, они не помнят о торжественно заключенном с ними мире.² Хотя, по правде сказать, следовало бы пожалеть незадачливых и нищих людишек, а негодовать на государей, которые, заключив недопустимую и бесчеловечную сделку, продали кровь своего народа за ничтожные деньги. Напротив, что касается лживых, трусливеньких греков, которые сами ни на что значительное не дерзают, то их я не только не жалею, но даже весьма радуюсь [их беде] и жажду, чтобы нечестивая их империя, седалище заблуж-

¹ „Hoc supererat ut spumantem hostium vestrorum cruoribus Bosphorum videre-
mus — et vidimus“.

² До войны Генуя имела мирное соглашение с Арагоном.

дений, была низвергнута вашими же [т. е. генуэзцев] руками... Нашим итальянцам¹ я сочувствую от всего сердца. О, если бы они во-время поверили мне, искренне их увещевавшему“.²

Обычно в исторических сочинениях это описание лишь упоминается;³ историки склонны обходить его, как слишком своеобразный, субъективный источник, и, возможно, даже подозревают, что оно является подражанием какому-то античному образцу, хотя, как известно, описаний морских боев у римских авторов почти нет, а греческих Петрарка не читал. Преклоняясь перед классическими писателями и любясь цитатами и метафорами из их творений, Петрарка всегда остается самим собой, повинуется своему редкостному таланту, утонченному вкусу, богатому чувству. Нельзя, конечно, забывать об особенностях стиля Петрарки и его времени, и никто не станет предъявлять к автору XIV в. требований

¹ Здесь идет речь о третьем побежденном, по мнению Петрарки, народе, а именно о венецианцах.

² „Cuius enim animum non horror invaderet audientis aut legentis illius horridae noctis eventum quando ad vesperam violentissimo flante Austro inter Constantinopolim et Calcedonem trium validissimarum gentium in vos factus incursum est, illis a meridie venientibus (a Gallipoli enim solverant) et vento adutiis atque ideo vela facientibus, vobis contra hostes, contra ventum, contra mare pugnantibus, tamque atrox praelium coortum est, ut illud neque tempestas valida, neque nox insecuta dirimeret? Quis ille ventorum impetus, quod murmur rudentum, quis ille tubarum clangor, quis clamor ac gemitus virorum, quae navium collisio, quis ferri sonitus, quis sibilus per tenebras volitantium sagittarum? Pernox enim praelium fuit, cui per omnia conveniret illud poeticum:

Quis cladem illius noctis, quis funera fando
Explicit, aut possit lacrimis aequare labores? .

Postremo proximam in lucem pugna sine intermissione protracta est, et quo magis posteritas miretur nox brumalis fuit. Sequens pugnae dies additus. Quis unquam simile aliquid audivit, quis tale aliquid vidit aut legit? Magna unius, magna alterius lucis parte et tota interim nocte pugnatum cum freto, cum vento, cum hostibus. Tres ab adverso acies, et in unum coactae de diversis tractibus tres disiunctissimae nationes. In medio lanuensium sola virtus, sola lanuensium fortuna. Et de externis quidem hostibus non doleo. Quid enim laboribus italicis sua tela permiscens, venale genus, ac foedifragum et insolens, quos in longinquam infelicemque militiam nummus impellit, nobiscum solemniter contractae pacis immemores? Quamvis, ut verum fatear, calamitoso et misero popello misericordia debeat: principibus succensendum, qui infando et inhumano commercio sanguinem suae gentis parva pecunia vendiderunt. Quin et de fallacibus atque inertibus graeculis, et per se grande nihil ausuris, non modo non doleo, sed valde gaudeo, et infame illud imperium sedemque illam errorum vestris manibus eversum iri cupiosi Italici autem nostris uno de corde compatio; qui mihi utinam ideliter admonenti in tempore credidissent“. Petr. Fam. XIV, 5 (ed. Fracassetti II, pp. 294—295).

³ Ср., напр., Н. К р е т с ч м а y r. Geschichte v. Venedig II, 205—209.

реализма XX в.; но если воспринимать его произведения непосредственно и в то же время с представлением о его эпохе, то получится впечатление свежего, только что записанного отрывка действительности.

Продолжая письмо, Петрарка не отрывается от этой действительности. Он вспоминает, как ребенком был в Генуе; помнятся ему, как во сне, широкий залив, башни и дворцы, холмы и зеленеющие долины, склоны, покрытые кедрами и оливами, звенящий у берегов прибой и ревущая в скалах буря. Незадолго до того (Петрарка родился в 1304 г.) была одержана блестящая победа над пизанцами, победоносно закончена война с венецианцами.¹ Еще живы были старики — свидетели обоих сражений и торжества вернувшихся в Геную флотов. Берега гремели тогда от ликования и, казалось, наступила пора мирной жизни и господства над морями.² Но генуэзцы не воспользовались победой, не удержали мира. Город осаждался своими же изгнанниками с помощью Милана. Генуей завладел (на 1318—1335 гг.) Роберт Анжуйский; не прекращалась ужасная внутренняя война.³ Только в 1339 г., с избранием единого дожа, наступил мир. Мораль Петрарки такова: генуэзцы имели удачу дважды в течение жизни одного поколения и знают по опыту, почему мир и благополучие утериваются; они должны учиться на своем „домашнем“ примере (*domestico exemplo*) и не втягиваться вновь в междоусобия внутри своей республики и в пределах своей родины Италии, потому что „*quo plus felicitatis, eo maiori opus est custodia, tenera enim res est humana prosperitas et anceps et lubrica*“.⁴

Эти предостережения Петрарки оказались вещими. Война с Венецией, после передышки обеих сторон, возобновилась и ознаменовалась неожиданным, неслыханным событием: Генуя была разбита почти в своих водах, у западного берега Сардинии, близ Альгеро. Это случилось 27 августа 1353 г. и поразило всех, как громом: „*ecce subito fama tristior infelicis Ianuensium belli terribili tonitru perculit aures meas*“, писал Петрарка в Геную другу своему, архидиакону Гвидо, в сентябре 1353 г.⁵ Это изумление подтверждает, что генуэзцы давно уже, по меньшей мере с Мелории и Курцолы,

¹ Имеются в виду победы при Мелории в 1294 г. и при Курцоле в 1296 г.

² Petr. Fam. XIV, 5 (ed. Fracassetti II, p. 299)... *cum iniussu vestro diu vix ullus toto se pelago moveret.*

³ „*Ibid. quotidieque, quod pro monstro narrandum est et nunquam alias auditum, non solum terra simul et pelago, sed in aëre etiam et sub terram imo pugnaretur*“.

⁴ *Ibid.*, p. 300.

⁵ Petr. Fam. XVII, 3 (II, pp. 422—435).

считались непобедимыми на море. Поэтому Петрарка восклицает, что при этом известии он остолбенел и оцепенел: „*obrigui stupens*“, хотя произошло именно то, что он сам предсказывал: „*quod verebar accidit, id si dicam, mentiar: imo vero accidit quod vix possibile arbitrabar*“.

Необычайное состояло в том, что „море узрело бегущий генуэзский флот и окаменело от изумления“. Петрарка тут же в кратких словах упоминает об условиях боя, о том, что силы были неравны,¹ что неблагоприятный ветер не позволил генуэзцам удачно направить свои корабли. Однако и это не объясняло поражения непобедимых, которым с прадедовских времен не страшен был никакой враг: „*ab avorum temporibus non auditum quin quaelibet bella maritima, licet impar numero, lanuensium virtus et conspecta illius urbis signa confecerint*“.²

Следующее письмо Петрарка пишет уже как очевидец.³

Находясь при дворе Висконти, он присутствовал при церемонии передачи Генуи под власть Милана, 10 октября 1353 г. Здесь сказалась его наблюдательность: он прекрасно понимал, что со стороны Генуи это не было актом смирения после жестокого краха при Альгеро, но что генуэзцы нашли хитроумный выход из трудного положения — сразу же уклониться от дальнейшей расправы неумолимой в своем торжестве Венеции, которая не соглашалась ни на какие переговоры о мире в надежде еще более обессилить получившую тяжелый удар противницу. Выход состоял в том, чтобы немедленно же укрыться под покровительство Висконти, отнюдь, конечно, не собираясь длительно пребывать в зависимости от них; надо было воспользоваться Миланом, чтобы выиграть время. Действительно, генуэзцы стряхнули с себя властную руку миланских братьев-герцогов очень скоро (уже в 1356 г.), но за это короткое время они сумели полностью подготовиться к новому, успешному и окончательному походу на Венецию. Проницательный и наблюдательный Петрарка, присутствуя в зале дворца Висконти, куда прибыло посольство из Генуи, описал выражение лиц послов. Вошли они со сдержанной, требующей почтения печалью, как бы „с величием горя“.⁴ Но ведь это были генуэзцы, которых византийцы не переставали характеризовать как непомерно спесивых,

¹ Против генуэзцев опять действовали соединенные флоты Венеции и Арагона, под командованием того же адмирала Николо Пизани.

² Petr. Fam. XVII, 3, 427.

³ Petr. Fam. XVII, 4 (II, pp. 436—440).

⁴ „... *sobria quadam et ut ita dixerim veneranda tristitia atque, ut eleganter ait Statius, multa cum maiestate malorum*“. — Ibid., p. 436.

дерзких, ни перед чем не останавливавшихся в своем упорстве и лукавстве врагов всего того, что становилось поперек их пути к обогащению. Петрарка и заметил, что вместе со стыдом от постигнутого их позора, с болью от ущерба, нанесенного их республике и с чувством жалости к родине (т. е. к Генуе), светились в их глазах и острое негодование и горячая искорка мести.¹

Вновь подошел момент выступать с увещаниями о прекращении войны и удерживать от нее Венецию, организовавшую лигу против Милана, с тем чтобы добить недавно побежденную Геную. Речь Петрарки перед венецианским дожем, хотя это и был все тот же дружественный ему Андрей Дандоло, не достигла цели. Увлеченные победой, правители Венеции отнеслись к знаменитому гуманисту с пренебрежением, даже, быть может, с гневом. „Шел я к тебе полный надежд, но отступил полный печали, стыда и страха“, — писал дожу после этого свидания Петрарка,² 28 мая 1354 г. из Милана.

Глубоко был огорчен Петрарка, что устное выступление в Венеции было неудачно, что его речь была бледна и неубедительна. „Но, — объясняет оратор: не моему красноречию, не знаю — может быть, цicerоновскому только под силу открыть заткнутые уши и тронуть упрямый дух“. ³ Он в страхе, что жестокость и непреклонность венецианцев приведут к труднейшей войне и погубят Италию, которая давно уже представляется ему рабой (*prope iam serva est*). Он взывает к бдительности дожа — обладателя самых зорких „рысьих“ глаз, умоляя, раньше чем все погибнет, показать согражданам всю меру опасности; иначе Италия либо превратится в пустыню, либо впадет в дикость (*priusquam de Italia vel desertum vel barbaries fiat*).⁴

И этот призыв в письме остался неслышанным. Венеция ринулась в новый бой против обновленных сил Генуи и 4 ноября 1354 г. потерпела страшное поражение у берегов острова Сапиенцы близ южной оконечности Мореи, около местечка Портолонго.⁵ Андрей Дандоло не дождал до этого удара; он умер 6 сентября 1354 г.,

¹ „Erat in oculis acceptae pudor ignominiae et publici damni dolor et patriae miseratio, interque tot affectus trepidos, indignatio acris et ardens quaedam scintilla vindictae“. — Petr. Fam. XVII, 3, p. 436.

² Petr. Fam. XVIII, 16 (II, pp. 505—512).

³ Ibid., p. 507.

⁴ Ibid., p. 511.

⁵ Об этой победе Петрарка упомянул вскользь в письме тому же генуэзскому архидиакону Гвидо, сообщая ему из Милана от 24 апреля 1355 г. о казни Мартино Фальбера. — Petr. Fam. XIX, 9 (II, pp. 537, 533).

и Петрарка в сочиненной им эпитафии почтил дожа несколькими словами о победе Венеции над Генуей при Альгеро:

„Hic Genuam, bello claram pelagoque superbam —
fregit ad Algerium servitioque dedit.“¹

Несмотря на перерывы между столкновениями Генуи и Венеции в течение 1350—1355 г., это была одна длительная война; переделки между отдельными фазами ее были обманчивы. Петрарка не считал борьбу оконченной; он правильно чувствовал, что вражда где-то таится, скрытая, но готовая вспыхнуть в любой момент: „Latens enim bellum defuisse nunquam puto“, — писал он уже после третьего крупного сражения у Портолонго.² В обобщающей фразе очерчивает он линию этой войны за господство на Черном море и вспоминает (уже в 1355 г.), как венецианцы, не послушавшиеся его предостережений и его призыва оглянуться на состояние Италии, сначала были побеждены (на Босфоре), потом сами победили (у Альгеро) и снова понесли заключительное в этой борьбе поражение.

Итак, война окончилась. Не уничтоженная, но приниженная Венеция согласилась на мир с Генуей. Договор был заключен 1 июня 1355 г.³ при посредничестве и в присутствии троих Висконти, в церкви св. Амвросия в Милане, и скреплен подписями трех имперских нотариусов-канцеляриусов. Среди полномочных синдиков-прокураторов Венеции, представителей дожа Джованни Градениго, был известный нам историк, нотариус Рафаино Карезини. В длинной преамбуле договора говорится, что на мирных полях была посеяна отвратительная вражда и посев этот произвел „чумную жатву“, „messis pestifera“. Вражда зародилась между двумя „великолепными городами“, „excellentissimae urbes“, Генуей и Венецией. „Они, подобно двум сияющим звездам, озаряют шар земной, но эти звезды, как бы сокрытые тучами во мраке, благодаря упомянутому раздору, не могли разливать свой свет. Генуя, которая по имени своему⁴ считается вратами всего мира... и Венеция, которая для всех климатов⁵ является поистине пятым элементом, преуменьшили, лишены света, и имя свое и действие, благодаря войнам“. Однако и в этом необходимом для торжественного акта пышном введении

¹ Petr. Var. X (III, p. 325).

² Petr. Fam. XIX, 9 (II, p. 537).

³ Liber iurium II, doc. 208. Monum. hist. patriae IX, col. 617—627.

⁴ Janua — дверь.

⁵ Т. е. поясов, сверх обычных четырех элементов — воздуха, воды, огня

звучит нота деловитости: войны между другими городами пагубны для них самих, но вражда между Генуей и Венецией ведет к более широкому общественному бедствию, а именно — к препятствиям в торговле, проистекающим от закрытия морей.¹ Жестокая же война довела до того, что от пролитой крови покраснели воды морей, но теперь враждовавшие стороны решили положить конец войне и согласиться на ряд условий. В первой статье договора выступает самое существенное, собственно основание всего конфликта: Тана. На три года договариваются и генуэзцы и венецианцы не плавать в Тану, а по истечении этого срока считать море свободным для плавания в любые места (и в Тану в том числе). Приведем эту статью, подтверждающую, насколько велико было экономическое значение северного Причерноморья для Западной Европы в XIV в.: „De non navigando ad Tanam et de non eundo cum eorum navigiis ad ipsam Tanam nec ad partes Tane hinc ad tres annos a die approbationis huius contractus incipiendos. Elapsis vero ipsis tribus annis quelibet ipsarum parcium sit et esse intelligatur in statu et libertatibus omnibus eundi Tanam et navigandi et quelibet alia faciendi in quo erant ante presentem guerram et libere navigare possint“.²

Рафайно Карезини, принимавший участие в составлении и заключении мирного договора между своей республикой и Генуей, сделал краткую запись в хронике о состоявшемся примирении и отметил, естественно, главнейший результат войны, завершённой этим миром 1355 г.; в договоре, пишет он, „между прочими статьями обеспечивалось, чтобы плавание по Великому морю и по морю Танскому (navigatio maris majoris et Tane) — то, что явилось причиной раздора (quae fuerat causa dissidii), — стало для всех и каждого свободным и общим“.³

На этом и закончилась война 1350—1355 годов, порожденная борьбой за торговые пути, отходящие от северных берегов Черного моря; она развернулась по всему Средиземноморью, сотрясала экономические центры Италии и нашла художественное отражение в письмах Петрарки.

¹ „Cum equora que aperta patere classibus debent, unde rerum commercia et res totius mundi usibus necessariae devehantur, sint per iam dictam discordiam perperdita“.— Liber iurium II, p. 618.

² Ibid., col. 620.

³ A n d r. D a n d. Chron. (Raphaini Caresini continuatio) Muratori, RIS XII, col. 426.